

© 2005 г.

Ostrakismos-Testimonien. I. Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.) / Hrsg. von Peter Siewert. Stuttgart: Steiner, 2002 (Historia – Einzelschriften. Ht 102). 555 S.

Выход коллективной монографии, о которой здесь идет речь, уже давно с нетерпением ожидался многими антиковедами, занимающимися проблемами политической и конституционной истории, просопографии, источниковедения классических Афин. История создания книги насчитывает более полувека и восходит к проекту по сведению воедино всех источников об афинском остракизме, работу над которым начали практически сразу после Второй мировой войны два крупнейших специалиста в области этого института – Юджин Вандерпул и Антон Раубичек; первый из них должен был заниматься публикацией остраки и систематизацией содержащейся на них информации, а второй – в основном сбором и комментированием данных нарративной традиции. В рамках проекта на протяжении нескольких десятилетий был опубликован ряд важных статей¹, но так и не появилось обобщающего монографического исследования. Судя по всему, столь крупномасштабное предприятие оказалось просто непосильным для двух ученых. В 1980 г. А. Раубичек препоручил дальнейшее ведение проекта исследователю из Вены Петеру Зиверту², передав ему свои материалы и наработки. П. Зиверт смог вдохнуть в работу новую жизнь; он собрал под своим руководством коллектив молодых австрийских и немецких антиковедов, которые и стали авторами рецензируемого издания.

Уже в начале 1990-х годов П. Зиверт в одной из своих статей³ сообщал о готовящемся своде античных свидетельств об остракизме как о чем-то близком к завершению. Однако работа затянулась (об этом упоминает, как нам показалось, не без нотки раздражения, сам ответственный редактор в предисловии к изданию), и первый ее плод становится достоянием читателей только теперь. Причиной промедления стало,

¹ В том числе: *Vanderpool E.* The Ostracism of the Elder Alcibiades // *Hesperia*. 1952. 21. 1. P. 1–8; *idem.* Kleophon // *Hesperia*. 1952. 21. 2. P. 114–115; *idem.* New Ostraka from the Athenian Agora // *Hesperia*. 1968. 37. 1. P. 117–120; *idem.* Ostraka from the Athenian Agora, 1970–1972 // *Hesperia*. 1974. 43. 2. P. 189–193; *Raubitschek A.E.* The Ostracism of Xanthippos // *AJA*. 1947. 51. 3. P. 257–262; *idem.* Ostracism // *Archaeology*. 1948. 1. 2. P. 79–82; *idem.* The Case against Alcibiades (Andocides IV) // *TAPhA*. 1948. 79. P. 191–210; *idem.* The Origin of Ostracism // *AJA*. 1951. 55. 3. P. 221–229; *idem.* Athenian Ostracism // *Classical Journal*. 1953. 48. 4. P. 113–122; *idem.* Philinos // *Hesperia*. 1954. 23. 1. P. 68–71; *idem.* Damon // *CM*. 1955. 16. P. 78–83; *idem.* Kimons Zurückberufung // *Historia*. 1955. 3. 3. S. 379–380; *idem.* Menon, Son of Menekleides // *Hesperia*. 1955. 24. 4. P. 286–289; *idem.* Philochoros frag. 30 (Jacoby) // *Hermes*. 1955. 83. 1. S. 119–120; *idem.* The Gates in the Agora // *AJA*. 1956. 60. 3. P. 279–282; *idem.* Das Datislied // *Charites: Studien zur Altertumswissenschaft*. Bonn, 1957. S. 234–242; *idem.* Theophrastos on Ostracism // *CM*. 1958. 19. P. 73–109; *idem.* Die Rückkehr des Aristoteles // *Historia*. 1959. 8. 1. S. 127–128; *idem.* Theopompos on Thucydides the Son of Melesias // *Phoenix*. 1960. 14. 2. P. 81–95; *idem.* Drei Ostraka in Heidelberg // *Archäologischer Anzeiger*. 1969. 84. 1. S. 107–108; *idem.* Aristoteles über den Ostrakismos // *Tyche*. 1986. 1. S. 169–174; *idem.* Megakles, geh nicht nach Eretria! // *ZPE*. 1994. 100. S. 381–382.

² П. Зиверт – специалист в области политической истории позднеархаических и раннеклассических Афин, автор ряда статей и монографии: *Siewert P.* Die Trittyen Attikas und die Heeresreform des Kleisthenes. München, 1982.

³ *Idem.* Accuse contro i «candidati» all'ostracismo per la loro condotta politica e morale // *L'immagine dell'uomo politico: vita pubblica e morale nell'antichità*. Milano, 1991. P. 4.

насколько можно судить, не столько необъятное количество материала, сколько стремление подойти к каждому свидетельству максимально скрупулезно, дать исчерпывающий комментарий. В результате тот том, который был выпущен в 2002 г. в качестве очередного отдельного выпуска журнала «Historia», представляет собой лишь первую часть издания и включает источники по ostracismu, относящиеся к классической эпохе. Это – самая важная и содержательная часть материала (поскольку хронологически она лежит всего ближе к исследуемой процедуре), но, кстати, в количественном отношении даже не самая объемная. В том вошло 42 свидетельства, датированных периодом от 487 до 322 г. до н.э., а между тем свидетельств более позднего времени (эллинистического, римского и византийского), по нашим подсчетам, не менее 150, т.е. в три–четыре раза больше. Среди них тоже есть в высшей степени ценные (таковы некоторые пассажи Плутарха, схолиастов и др.), но пока эти данные остались за пределами рассмотрения авторов книги. Очевидно, в дальнейшем следует ожидать выхода еще одного или даже нескольких томов свода источников по ostracismu.

Рецензируемая монография делится на четыре части. Первая из них (с. 25–35) имеет вводный характер и написана самим П. Зивертом. В ней мы находим краткий историографический очерк, в котором обрисован общий ход исследования проблем истории ostracismu в антиковедении Нового времени. Отметим, что нам остались не вполне понятными принципы, по которым построен этот очерк. С одной стороны, в нем говорится о совсем старинных работах XVI–XVIII вв., которые ныне представляют разве что антикварный интерес⁴. А с другой стороны, ни словом не упомянуто об одной из крупнейших в XIX в. работе Ж. Валетона «Об ostracismu»⁵. Аналогичным образом обстоит дело при обзоре исследований по данной проблематике в XX в. Конечно, вполне понятно, что автор подробно останавливается на вкладе А. Раубичека и Ю. Вандерпула в изучение ostracismu, воздавая должное заслугам своих непосредственных предшественников. Отмечаются также выходявшие на протяжении столетия монографии, посвященные различным сторонам рассматриваемого института (Ж. Карколино, А. Кальдерини, Р. Томсен, М. Лэнг). Однако, наверное, следовало бы сказать несколько слов и о наиболее важных статьях по теме, принадлежащих таким ученым, как Э. Хэндс, Д. Кэген, Р. Девелин, К. Моссе, Л. Холл, Г. Маттингли, М. Крайст, Д. Мерхад и др.⁶ К сожалению, этого автор не делает, что несколько снижает значимость этого очерка. Интересующимся историографией ostracismu рекомендуем по-прежнему обращаться к сводке А. Мартена⁷, где имеющаяся литература приведена значительно полнее и систематичнее.

Далее П. Зиверт обосновывает структуру и принципы издания свидетельств, принятые в книге, порядок расположения текстов, а также хронологические рамки работы (487–322 гг. до н.э.). Относительно этих последних у нас тоже возникают сомнения. Если 487 г. взят за «точку отсчета» вполне резонно (именно в этом году в Афинах имела место первая ostracoforia), то того же нельзя сказать о 322 г. Указанную дату авторы монографии считают концом классической эпохи (что, кстати, само по себе неоспорно). Но даже если мы согласимся с ними в этом, все-таки остается впечатление, что принятый критерий имеет чисто внешний, формальный характер и что изложение в рецензируемом томе обрывается в некоторой степени искусственно и механи-

⁴ Кстати, большинство этих работ П. Зиверту не известны, и знает он о них лишь из вторых рук, в чем честно признается.

⁵ Эта работа по своему жанру является монографией, но она не была издана отдельной книгой, а публиковалась в ряде номеров журнала «Mnemosyne»: Valeton J.M.J. De ostracismo // Mnemosyne. 1887. 15. P. 129–171, 337–355, 357–426; 1888. 16. P. 1–25, 162–238.

⁶ Hands A.R. Ostraka and the Law on Ostracism – Some Possibilities and Assumptions // JHS. 1959. 79. P. 69–79; Kagan D. The Origin and Purposes of Ostracism // Hesperia. 1961. 30. 4. P. 393–401; Develin R. Cleisthenes and Ostracism: Precedents and Intentions // Antichthon. 1977. 11. P. 10–21; Mossé C. De l'ostracisme aux procès politiques: le fonctionnement de la vie politique à Athènes // Istituto universitario orientale (Napoli). Annali. Sezione di archeologia e storia antica. 1985. 7. P. 9–18; Hall L.G.H. Remarks on the Law of Ostracism // Tyche. 1989. 4. S. 91–100; Mattingly H.B. The Practice of Ostracism at Athens // Antichthon. 1991. 25. P. 1–26; Christ M.R. Ostracism, Sycophancy, and Deception of the Demos: [Arist.] Ath. pol. 43, 5 // CQ. 1992. 42. 2. P. 336–346; Mirhady D.C. The Ritual Background to Athenian Ostracism // Ancient History Bulletin. 1997. 11. 1. P. 13–19.

⁷ Martin A. L'ostracisme athénien: un demi-siècle de découvertes et de recherches // REG. 1989. 102. P. 124–145.

чески. Так, в издание вошли пассажи об остракизме, принадлежащие Аристотелю, но за ее пределами остались свидетельства, сохраненные Феофрастом, учеником и преемником Стагирита в руководстве периплатегической школой. А между тем этих двух авторов вряд ли стоило отрывать друг от друга, поскольку Феофраст был прямым продолжателем Аристотеля. Он принимал активное участие в предпринятом основателем Ликия сборе материала для «Политий» и «Политики». В конечном счете именно в его распоряжении оказалась колоссальная информация по политическому и правовому устройству греческих полисов, не вошедшая в «Политику», и он воспользовался ею (причем, насколько можно судить, с большей степенью полноты, чем сам Аристотель) при написании своего трактата «Законы» (Νόμοι). В этом (сохранившемся лишь во фрагментах) трактате сохранился самый обширный во всей античной традиции пассаж об остракизме, где, очевидно, приводился текст закона о введении этого института и прослеживалось его дальнейшее применение⁸. Иными словами, Феофраста следует рассматривать как завершителя классической традиции, а не как раннего представителя эллинистической; его данные были бы более уместны в конце рецензируемого тома, нежели в начале следующего.

Другой пример. В том вошли свидетельства из «Аттиды» Андриотона. Очень органично смотрелись бы в нем также сведения об остракизме, приводимые другим (причем самым крупным) аттидографом – Филохором⁹. Это позволило бы проследить эволюцию взглядов представителей аттидографического жанра на протяжении определенного хронологического отрезка. Но Филохор работал в конце IV – первой половине III в. до н.э. и соответственно тоже не включен в издание. На наш взгляд, наиболее логичным и оправданным было бы завершить подборку авторов в первом томе «Свидетельств об остракизме» именно Филохором, тем более что как раз после него в нарративной традиции о рассматриваемом институте обнаруживается значительная хронологическая лакуна – вплоть до середины I в. до н.э.¹⁰

Вторая часть книги (с. 36–166) целиком посвящена такому специфическому, даже уникальному типу источников, как острака – надписанные черепки, которыми афиняне голосовали в ходе проведения остракизма. Автор данной части Штефан Бренне на сегодняшний день является, бесспорно, лучшим в мире знатоком этих памятников; именно он в настоящее время готовит к публикации колоссальный комплекс острака, открытый на афинском Керамике во второй половине 1960-х годов и до сих пор еще в своей значительной части не введенный в научный оборот. Иными словами, Ш. Бренне в большей степени, чем кто-либо иной, владеет материалом, который содержит черепки-«бюллетени», и знакомит читателей с этим материалом, так сказать, из первых рук.

После вводных замечаний о значении находок на Керамике автор приводит алфавитный каталог всех имен, встречающихся на острака. В их числе – имена самих «кандидатов» на остракизм (с указанием количества имеющихся острака по каждой персоналии), их отцов, ставших известными по патронимикам, а также прочие антропонимы, фигурирующие на черепках. По сравнению с аналогичным каталогом, опубликованным Ш. Бренне в недавней монографии¹¹, этот новый вариант несколько скорректирован с учетом новейших находок, но в то же время просопографический комментарий, естественно, значительно сокращен.

Далее следует перечень тех острака, которые соприкасаются своими сторонами друг с другом, происходя, таким образом, из одного сосуда или более крупного обломка. Такие группы памятников весьма важны для исторической интерпретации: можно считать бесспорным, что они были использованы на одной и той же остракофории, а это дает повод для более или менее далеко идущих выводов, в зависимости от содержания надписей на черепках и общего контекста. Еще более важны те случаи (тоже

⁸ О вкладе Феофраста в изучение остракизма см. *Raubitschek. Theophrastos...; Keaney J.J. Theophrastus on Ostracism and the Character of his NOMOI // Aristote et Athènes. P., 1993. P. 261–278.*

⁹ По поводу этих сведений см. *Develin R. Philochoros on Ostracism // Civiltà classica e cristiana. 1985. 6. P. 25–31.*

¹⁰ См. *Суриков И.Е. Античная нарративная традиция об институте остракизма // Studia historica. 2002. 2. С. 63.*

¹¹ *Brenne S. Ostrakismos und Prominenz in Athen: attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001. S. 87–314.*

перечисленные Ш. Бренне), когда надписи на нескольких острака сделаны одной рукой. Наиболее известный из комплексов подобного рода стал уже хрестоматийным: речь идет о 190 острака против Фемистокла, найденных в колодеце на северном склоне Акрополя и надписанных всего лишь 14 разными почерками. Обычно считают, что эти черепки были заготовлены какой-то гетерией противников Фемистокла (хотя, на наш взгляд, эта точка зрения имеет ряд слабых сторон)¹². И, в любом случае, явно какая-то иная трактовка необходима для тех ситуаций, когда одним почерком надписаны острака против *разных* политиков: Мегакла, сына Гиппократата, и Калликратата, сына Лампроклатата, или того же Мегаклатата и Аристидата, сына Ксенофила.

Пожалуй, наиболее интересна среди материала, приводимого Ш. Бренне, подборка приписок (в основном экспрессивного или инвективного характера), которые делались некоторыми афинянами на острака против тех или иных «кандидатов» на изгнание. Эти приписки в значительной своей части уже публиковались ранее¹³, но теперь мы получили наиболее полную, практически исчерпывающую их сводку, что снимает необходимость обращения ко всем предыдущим. Наряду с давно известными автор делает достоянием читателей ряд новых интересных приписок. Так, на одном остраконе против Каллия, сына Кратия¹⁴, читаем $\eta\epsilon\chi\epsilon$ (= $\epsilon\chi\epsilon$), т.е. буквально «имей», очевидно, в экспрессивном значении «получай!». Кстати, эта надпись проливает неожиданный свет на остракон из Херсонеса Таврического, где стоит $\text{Αἰσχροὺν Διονυσίου ΕΧΕΔΑΜΠΛΟΣ}$. Опубликовавшие памятник Ю.Г. Виноградов и М.И. Золотарев¹⁵ отвергли чтение $\epsilon\chi\epsilon$ $\Delta\alpha\mu\beta\iota\delta\omega\sigma\epsilon$ («получай от Дамидата»), считая, что в данном контексте была бы уместнее форма imperativus $\alpha\gamma\iota\sigma\tau\eta\varsigma$. Остракон, изданный теперь Ш. Бренне, демонстрирует, что употребление imperativus praesentis в том же значении, во всяком случае, вполне возможно¹⁶.

Афинский политик Клеиппид, являвшийся одним из «кандидатов» на остракизм в 440-х годах до н.э., а впоследствии, в начале Пелопоннесской войны, занимавший пост стратега (кстати, он был отцом известного демагога Клеофоната), почему-то назван на одном из острака Βυζάντιος («жителем Византия»). Габроних, политический деятель из окружения Фемистокла, фигурирует на остраконе как «совершивший мидизм» ($\mu\eta\delta\iota\zeta\omicron\nu\tau\iota$, надпись сделана в дательном падеже)¹⁷, Леагр, принадлежавший к той же группировке, — как «совершивший предательство» ($\delta\tau\iota \epsilon\lambda\pi\omicron\delta\beta\iota\delta\omega\sigma\epsilon$), Мегакл — как «сребролюбец» ($\phi\iota\lambda\acute{\alpha}\rho\upsilon\tau\omicron\varsigma$, впрочем, плохо сохранившаяся надпись допускает и иные восстановления), Менон — как «взяточник из взяточников» ($\delta\omega\omicron\delta\omicron\kappa\omicron\tau\alpha\tau\omicron\varsigma$).

Отдельную небольшую группу памятников составляют те острака, на которых афинянами были сделаны рисунки, в основном карикатурного характера. Часть этих граффити тоже уже публиковалась¹⁸; среди новых, ранее не известных, привлекает внимание остракон, на котором мастерски изображена сова, точь-в-точь такая же, как на афинских монетах. Ш. Бренне справедливо замечает, что сова являлась в Афинах чем-то вроде герба или государственной печати; рисуя ее на остраконе, голосующий хотел таким образом придать этому документу официальную силу.

В третьей части рецензируемого труда, намного превосходящей остальные по объему (с. 167–478), рассматриваются остальные свидетельства об остракизме, датирова-

¹² Альтернативную интерпретацию см. Суриков И.Е. К интерпретации острака с северного склона Акрополя // ПИФК. 1998. 6. С. 30–33.

¹³ Mattingly H.B. Facts and Artifacts: The Researcher and his Tools // The University of Leeds Review. 1971. 14. 2. P. 277–297; Siewert. Accusation...; Brenne S. Ostraka and the Process of Ostrakophoria // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 13–24.

¹⁴ Об этом политике, впервые ставшем известным именно из надписей на острака, см. Shapiro H.A. Kallias Kratiou Alopekethen // Hesperia. 1982. 51. 1. P. 69–73.

¹⁵ Vinogradov J.G., Zolotarev M.I. L'ostracismo e la storia della fondazione di Chersonesos Taurica // Minima epigraphica et papyrologica. 1999. 2. P. 119.

¹⁶ Отметим, кстати, что авторы рецензируемого труда оперативно откликнулись на публикацию Ю.Г. Виноградовым и М.И. Золотаревым острака из Херсонеса и поддержали их точку зрения, согласно которой в этом северопонтийском полисе применялся остракизм (с. 297–298).

¹⁷ О категории «мидизма» (персофильства) в раннеклассических Афинах см. Wolski J. Μηδισμός et son importance en Grèce à l'époque des guerres médiques // Historia. 1973. 22. 1. S. 3–15; Holladay J. Medism at Athens, 508–480 B.C. // Greece and Rome. 1978. 25. 2. P. 174–191.

¹⁸ Brenne S. «Portraits» auf Ostraka // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. 1992. 107. S. 161–185.

мые классической эпохой. Почти все эти свидетельства представляют собой пассажи различного размера и значения из произведений древнегреческих авторов¹⁹. В работе над данной частью принимало участие наибольшее число авторов: кроме упоминавшихся выше П. Зиверта и Ш. Бренне, также Г. Хефтнер, В. Шайдель, Ф. Стефанек, К. Книббе, Б. Пальме, Б. Эдер, П. Гриманис, В. Хаметер, Н. Лойдоль, Х. Майер, Г. Тейбер, Х. Папастамати. Однако, как видно из имеющихся результатов, столь обширной группе антиковедов удалось (и в этом, бесспорно, заслуга руководителя коллектива и ответственного редактора издания) очень хорошо скоординировать свои подходы к источникам – как на концептуальном, так и на структурном уровне. Практически все они придерживаются одинаковых взглядов по основным вопросам, связанным с историей остракизма. Редкостное единообразие наблюдается и в построении каждой из главок, посвященных анализируемым свидетельствам.

Построение это таково. Вначале приводится аннотированный список важнейшей литературы по тому свидетельству, которое фигурирует в главке. Затем дается его греческий текст с переводом на немецкий язык и рассматривается контекст свидетельства. Далее следует комментарий (по большей части весьма детальный), обосновывается датировка процитированного пассажа, указываются параллельные места у других писателей и разбирается вопрос о месте данного свидетельства в формировании нарративной традиции об остракизме. Наконец, в заключительной части главки кратко подводятся итоги всего сказанного в ней.

Многие из свидетельств, вошедших в том, принадлежат к числу весьма известных и неоднократно становились предметом анализа в историографии. Таковы, например, сообщения Геродота (VIII. 79) и Фукидида (I. 135. 3; VIII. 73. 3) об изгнании остракизмом некоторых афинян (Аристиды, Фемистокла, Гипербола), речь IV из корпуса оратора Андокида, почти целиком посвященная остракизму²⁰, в высшей степени ценные размышления об этом институте, принадлежащие Аристотелю (как в «Афинской политике», так и в «Политике»). Другие свидетельства (некоторые фрагменты из недошедших произведений комедиографов, историков IV в. до н.э. и др.), напротив, малоизвестны и никогда или почти никогда специально не изучались. Авторы подошли к данному традици в высшей степени скрупулезно. Достаточно сказать, что они отыскивают и комментируют не только реально существующие свидетельства, но даже и упоминания о таких свидетельствах, которые утрачены.

Несколько примеров. Сообщается (Plut. Them. 21), что родосский поэт Тимокреонт, личный враг Фемистокла, написал стихотворную инвективу против этого политика после того как он был изгнан из Афин. Строго говоря, мы вообще не знаем, сообщалось ли в этом стихотворении хоть что-нибудь об остракизме. Тем не менее оно попало в число прокомментированных свидетельств. Так же произошло и с речью софиста Поликрата «Против Сократа» (начало IV в. до н.э.), которая не дошла до нас, но в которой, судя по аллюзии у позднеантичного ритора Либания (Decl. I. 157), говорилось что-то об изгнании Дамона, музыкального теоретика и советника Перикла.

В целом у нас создалось впечатление, что ученые, занимавшиеся сбором свидетельств об остракизме, подошли к своей задаче, так сказать, «максималистски». Опасаясь упустить хоть какое-нибудь упоминание об этом институте, они не избежали другой крайности – включили в сводку такие тексты, которые вряд ли вообще имеют отношение к остракизму. Так, когда Аристофан (Equ. 819) пишет о том, что Фемистокл «бежал с лица земли» (φεύγει τῆν γῆν), он имеет в виду скорее не остракизм саламинского победителя, а его бегство из Греции после заочного смертного приговора.

¹⁹ Есть только два исключения: краснофигурный килик из оксфордской коллекции, расписанный в 460-х годах до н.э. так называемым «мастером Пана»; как считается, на нем изображен подсчет голосов после остракофории, а также известный эпиграфический памятник – найденный в Трезене «дскрет Фемистокла» (editio princeps: *Jameson M.H. A Decree of Themistokles from Troizen // Hesperia*. 1960. 29. 2. P. 198–223), в котором упоминается досрочное возвращение изгнанных остракизмом афинян в 480 г. до н.э. в связи с походом Ксеркса на Грецию.

²⁰ Вопросы о времени создания этого памятника, его жанре и авторстве и по сей день остаются крайне дискуссионными. Мы солидарны с авторами рецензируемой работы в том, что речь относится к первым годам IV в. до н.э. и представляет собой политический памфлет. В то же время, в отличие от них, мы не исключаем, что автором произведения мог действительно быть Андокид.

Равным образом и лишенный контекста фрагмент того же автора (Aristoph. fr. 593 Edmonds)²¹, где упоминается ἀμφορέυς ἐξοστρακισθεῖς, вовсе не обязательно должен считаться свидетельством об остракизме: ясно, что речь идет всего лишь о разбитой на черепки амфоре. Во фрагменте F 91 историка Феоломпа упоминается Фукидид, сын Мелесия, но ничего не сказано о его остракизме. Эти «квазисвидетельства», на наш взгляд, напрасно оказались в сводке.

А в то же время составители не учли некоторых текстов, немаловажных для понимания тех или иных аспектов истории изучаемого института. В частности, оратор Эсхин (I. 111–112) сообщает об экфиллофории – разновидности остракизма, отличавшейся от его «классической» формы тем, что она проводилась не в народном собрании, а в Совете, «бюллетенями» же для голосования служили вместо черепков надписанные оливковые листья²². Весьма интересен один пассаж другого афинского мастера красноречия – Ликурга (Leog. 117–118). Само слово «остракизм» в этом пассаже не фигурирует, однако уже высказывалось небезосновательное мнение, согласно которому упоминаемый в нем список «оскверненных и предателей» (τοὺς ἀλιτῆροὺς καὶ τοὺς προδοτὰς) во главе с Гиппархом, сыном Харма, представляет собой не что иное, как официальный перечень жертв первых остракофорий (480-е годы до н.э.)²³.

Четвертая, завершающая часть рецензируемой книги (с. 479–509) представляет собой заключение (авторы – Г. Хефтнер, В. Шайдель и П. Зиверт). В нем авторы предпринимают попытку обобщения полученных результатов и специально подчеркивают, что пока это обобщение имеет сугубо предварительный характер, а по-настоящему ответственные выводы могут быть сделаны лишь после того как будут собраны и обработаны свидетельства об остракизме, относящиеся к послеклассическому времени.

Подведение итогов исследования идет по нескольким параллельным линиям. Рассматривается, в числе прочего, лексика, употребляемая писателями V–IV вв. до н.э. в связи с остракизмом. Указывается, что главным техническим термином для этой процедуры являлся глагол (ἐξ)οστρακίζω, встречающийся уже на нескольких остраках, а в нарративной традиции – впервые у Геродота. Параллельно с ним в источниках фигурируют и нетехнические обозначения остракизма: φεύγω, μεθίστημι, ἐκβάλλω, ἐξελκύνω, ἐκτίλω. В связи с вопросом о времени введения остракизма обращается внимание на то, что у самых ранних авторов ничего по этому сюжету не говорится, впервые датировка этого события (непосредственно перед 487 г. до н.э.) дается в IV в. до н.э. у Андротиона²⁴, а чуть позже Аристотель, полемизируя с этим аттидографом, связывает учреждение остракизма с клисфеновскими реформами.

В традиции об остракизме, по наблюдению авторов заключения, прослеживается несколько конкурирующих точек зрения на цель института остракизма. У различных писателей он оказывается то средством борьбы между политическими группировками, то механизмом контроля гражданского коллектива над властной элитой, то установлением, принятым во избежание реставрации тирании, то наказанием за разного рода проступки в правовой и этической сфере. Весьма редко в литературе классической эпохи встречаются оценки остракизма. Среди этих оценок есть и подчеркнута критические (первый пример – IV речь корпусу Андокида), и амбивалентные (ряд мест в «Политике» Аристотеля). Однозначно позитивное отношение к остракизму обнаруживается только у Демосфена (XXIII. 204–205). Этот последний пассаж (на наш

²¹ Нумерация фрагментов комедиографов в рецензируемой работе дается по изданию Касселя–Остина. Мы, со своей стороны, будем ссылаться на них по более доступным в России изданиям Эдмондса и Кока.

²² Об экфиллофории см. *Guarducci M. Epigrafia greca. V. 2. Roma, 1969. P. 525; Staveley E.S. Greek and Roman Voting and Elections. Ithaca, 1972. P. 94; Hall. Op. cit. P. 96.*

²³ *Schreiner J.H. The Origin of Ostracism Again // CM. 1976. 31. P. 84–86; Ruschenbusch E. Die Quellen zur älteren griechischen Geschichte: Ein Überblick über den Stand der Quellenforschung unter besonderer Berücksichtigung der Belange des Rechtshistorikers // Symposium 1971: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975. S. 73.*

²⁴ Нам, со своей стороны, представляется необходимым подчеркнуть, что в «Аттиде» Андротиона содержится самое раннее из дошедших до нас сообщений о начале остракизма. Возможно с почти безоговорочной уверенностью утверждать, что об этом писали также более ранние аттидографы (Гелланик, Клидем).

взгляд, достаточно проходной) авторы рецензируемой работы вообще считают ключевым для понимания рассматриваемого института, в чем мы не можем с ними согласиться, тем более что оратор зривает даже не употребляет самого слова «остракизм».

Далее в заключении отмечается, что в нашем распоряжении чрезвычайно мало документальных свидетельств по истории остракизма (не считая, конечно, самих острака). В IV в. до н.э., когда исторический интерес к «суду черепков» как таковому стал по-настоящему серьезным (до того интересовались разве что конкретными перипетиями отдельных остракофорий), документов, относящихся к этой процедуре, уже практически не существовало. А те немногие, которые еще сохранялись в архивах, впервые были использованы Андротином, заложившим основание для дальнейшего изучения остракизма. Поэтому, кстати, авторы (правда, осторожно) высказывают мысль, что в вопросе о времени введения остракизма может оказаться прав именно Андротин, а не Аристотель, хотя подобная точка зрения в настоящее время совершенно непопулярна в мировой историографии.

Завершая изложение анализом принципиального вопроса об изначальной функции остракизма, как она предстает на основе сопоставления всех категорий вошедших в том источниках, П. Зиверт (именно он взял на себя написание этого последнего раздела заключения) высказывает следующие соображения. Появление остракизма было обусловлено стремлением афинского демоса ограничить престиж и влияние аристократических лидеров, установить в полисе демократическое равенство. Что же касается связи остракизма с угрозой установления тирании, то этот частый в традиции мотив, по мнению автора, является поздним и неаутентичным. Подобный взгляд на причины и цели учреждения рассматриваемого института представляется нам чрезмерно узким и однобоким: он однозначно привязывает остракизм к контексту демократических Афин V в. до н.э., что, судя по всему, не вполне правомерно, поскольку исторические истоки «суда черепков» следует искать в реалиях архаической эпохи²⁵.

Давая общую оценку коллективной монографии «Свидетельства об остракизме», необходимо иметь в виду следующее обстоятельство. Для современного этапа изучения данного института характерно известное «измельчание» проблематики, концентрация внимания специалистов на частных аспектах и мелких деталях его истории; в то же время ощущается явный дефицит обобщающих исследований, которые сыграли бы роль синтеза накопленной информации и основы для дальнейших шагов по ее трактовке. К сожалению, не стала исключением из этого правила и рецензируемая книга. Ее авторы, на наш взгляд, опять же увлекаются детализацией и нюансировкой в ущерб постижению принципиальных и действительно важных проблем. Монография дробится на мелкие главки (многие из них занимают не более 2–3 страниц); исследователи подробно до многословности разбирают коротенькие пассажи античных писателей. В результате за деревьями становится не видно леса, и читатель задается недоуменным вопросом: а для чего, собственно, проделан столь большой объем работы? Ведь выводы, которые делаются на ее основе, трудно назвать новыми и оригинальными; они лежат в русле тех воззрений на остракизм, которые являются наиболее «ортодоксальными» на сегодняшний день. Во всяком случае, нам не удалось найти в книге практически ни одной важной идеи, которая не высказывалась бы ранее.

Акцент при работе с источниками очевидным образом делался не на оригинальность выводов, а на скрупулезность и акрибию. Однако же это не спасло авторский коллектив от некоторых досадных погрешностей. Так, в просопографическом каталоге острака, составленном Ш. Бренне, встречаются опечатки. Например, указывается (с. 58), что известно 423 остракона с именем Кимона, сына Мильтиада, из них 426 (sic!) найдено на агоре. Нужно ли говорить, что опечатки в числах являются самыми неприятными и опасными, поскольку они могут породить в корне неверную картину? В качестве источников одного важного фрагмента комедиографа Платона (фр. 153 Kock, из комедии «Симмахия»), в котором остракизм уподобляется детской игре остракинде²⁶, указаны схолиаст Гермий (V в. н.э.) и византийский клирик-эрудит Евстафий Солунский (XII в.).

²⁵ См. нашу точку зрения на функции остракизма: Суриков И.Е. Функции института остракизма и афинская политическая элита // ВДИ. 2004. № 1. С. 3 слл.

²⁶ Об остракинде см. Bicknell P.J. Agasias the Donkey // ZPE. 1986. 62. S. 183–184; Lang M. Ostraka (The Athenian Agora. 25). Princeton, 1990. P. 47–48.

Однако этот фрагмент впервые цитируется автором значительно более раннего времени – Светонием, в написанном по-гречески сочинении «Об играх у эллинов» (Suet. De lud. Graec. 8). Наконец, самое курьезное упущение. В хронологической таблице к книге (с. 521) фигурируют такие сомнительные с точки зрения историчности события, как остракизмы Менона, Дамона и др., но при этом парадоксальным образом оказался забыт надежно зафиксированный и точно датированный остракизм Кимона (461 г. до н.э.).

Итак, замечаний к рецензируемой монографии более чем достаточно. Тем не менее нельзя отрицать и того, что она станет отныне ценным подспорьем для каждого, кто занимается афинским остракизмом. Пусть книга не вполне оправдала возлагавшиеся на нее ожидания; все же без учета содержащихся в ней данных теперь будет невозможно ни одно новое исследование об остракизме.

И.Е. Суриков

© 2005 г.

И.Г. ГУРИН. Серторианская война (82–71 гг.). Испанские провинции Римской республики в начальный период гражданских войн. Самара: Самарский университет, 2001. 320 с.

Интерес ученых к серторианской проблематике в последние десятилетия заметно возрос – достаточно назвать работы Ф.О. Спанна, Ф. Гарсиа Мора, К.Ф. Конрада и др.¹ Однако в отечественной научной литературе монографии на эту тему отсутствовали. Исследование И.Г. Гурина во многом восполняет данный пробел.

Книга открывается введением, в котором дается краткий обзор источников и литературы вопроса. В I главе рассматриваются положение на Пиренейском полуострове в начале I в. (здесь и далее – до нашей эры), наместничество Сертория в Ближней Испании и его борьба с сулланцами до наступления на иберийские провинции Рима в 80 г. Автор дает интересный очерк политического, этнического и экономического развития Испании в тот период, соглашаясь с учеными, которые считают, что иные ее районы были романизированы даже больше, чем некоторые области Италии.

Говоря о прибытии Сертория в Ближнюю Испанию в 82 г., И.Г. Гурин указывает, что распространенное мнение о насильственном установлении им контроля над провинцией не подтверждается источниками. Он считает, что говорить о конфликте Сертория с местным населением, как иногда делают, нельзя. Однако Эксуперанций пишет, что Серторию по прибытии в Иберию удалось склонить на свою сторону готовых к отпадению испанцев (8. 51Z). На то же намекает и Плутарх, говоря, что военные приготовления наместника внушали страх врагам (Sert. 6. 9), – надо думать, имеются в виду туземцы, а не куда более сильные сулланцы.

Автор отвергает мнение ряда ученых о контроле Сертория над обеими испанскими провинциями, полагая, что тот контролировал лишь Hispania Citerior. Анализируя его отношения с испанцами, И.Г. Гурин указывает, что уступки проконсула провинциалам были обусловлены ситуацией – не имея клиентелы, он стремился обрести поддержку местного населения нестандартными методами управления. Впрочем, единственным серьезным новшеством была отмена постоя войск в городах. В целом мероприятия Сертория «... не вышли за рамки одного из направлений римской провинциальной политики (причем официально декларированного), признающего необходимость защиты интересов провинциалов, и были направлены на завоевание благожелательного

¹ Spann Ph.O. Quintus Sertorius and the Legacy of Sulla. Fayetteville, 1987; García Morá F. Quinto Sertorio. Roma. Granada, 1991; *idem*. Un episodio de la Hispania Republicana: la guerra de Sertorio. Granada, 1991; Rijkhoek K.G. Studien zu Sertorius (123–83 v. Chr.). Bonn, 1992; Konrad C.F. Plutarch's Sertorius: A Commentary. Chapel Hill–London, 1994; Короленков А.В. Квинт Серторий. Политическая биография. СПб., 2003.